

ческий анализ мозаической и фресковой декорации Софии Киевской³⁷. Во всеоружии своей эрудиции автор подробно рассматривает теологическую программу всей росписи. Но он преследует совсем иную цель, нежели старые иконографы. Он основывается на своем тезисе о связи иконографии с социальной жизнью: «Несмотря на... внимательный контроль со стороны средневекового духовенства над содержанием церковной росписи, это содержание не оставалось неизменным, и каждый раз в него привносились индивидуальные оттенки. Последние бываете подчас очень трудно уловить из-за догматичности общего содержания, но как раз они особенно важны для исследователя, поскольку в них наиболее наглядно отражаются связи с жизнью. Часто в определенном подборе сюжетов, в выдвижении на первый план того или иного житийного цикла, наконец, в подчеркивании значения определенных святых сказывается вполне конкретная тенденция, продиктованная жизненными интересами различных общественных сил»³⁸. Именно таким путем открывается ему «доступ к пониманию живого процесса развития средневекового искусства»³⁹. По существу, тонкие приемы иконографического анализа используются им для развернутого анализа идейного содержания. С ним органически связан второй раздел его монографии о мозаиках Софии Киевской, в котором дается детальный анализ стиля всего живописного ансамбля и отдельных его частей с подробнейшим разбором каждой мозаики, каждой фигуры, каждого орнаментального мотива. Этот идейно-художественный анализ памятника довершается очень важными экскурсами о технике и красочной палитре киевских мозаик, о формах организации работ мозаичистов, их возможном числе и происхождении. Свои собственные наблюдения и выводы автор подкрепляет результатами специальных реставрационных исследований (включая физико-химические анализы) и прекрасным знанием всех литературных источников по данным вопросам.

Монография В. Н. Лазарева о мозаиках Софии Киевской очень интересна тем, что представляет во всей полноте его метод исследования памятников средневекового искусства. Первой отличительной чертой этого метода является его многогранность, точнее — синтетичность. В нем своеобразно соединились в единое целое различные методологические принципы современного искусствознания. Иконографический анализ памятника перерастает в идейный, который в свою очередь переплетается с формально-стилистическим, дополняется точными сведениями по технике живописи, надежными археологическими реконструкциями, изысканиями об особенностях творческой практики средневековых мастеров. Умелый выбор исторических, филологических, археологических, технических фактов придает результатам его чисто искусствоведческих построений особую весомость и объективность.

Естественно, что при обращении В. Н. Лазарева к материалу западноевропейского реалистического искусства его методические приемы получают иную направленность. Так, «иконографический метод исследования теряет всякое значение для европейского искусства уже к началу XIV века»⁴⁰, когда он полностью вытесняется идейно-стилистическим анализом. При этом все большее значение для выявления идейной сферы искусства приобретают его прямые связи с социальной жизнью, со светской, а не религиозной идеологией, с наукой, литературой, театром. В свою очередь резко возрастает необходимость многостороннего анализа чисто художественных проблем — эстетических теорий, общих принципов структуры художественной формы, их индивидуального преломления. Творческая личность художника, неповторимое своеобразие его стиля,

³⁷ В. Н. Л а з а р е в. Мозаики Софии Киевской. М., 1960, глава 1.

³⁸ Там же, стр. 24.

³⁹ Там же.

⁴⁰ В. Л а з а р е в. Никодим Павлович Кюндаков, стр. 25.